

Милостивый Государь
Эдуардъ Ивановичъ,

Еще разъ обращаюсь ко всей снисходительности и добротѣ Вашего сердца. Простите меня за новую просьбу. Съ тѣхъ поръ какъ Вы, принявъ участіе въ судьбѣ моей, сдѣлали для меня столько добра и дали мнѣ возможность начать новую жизнь, – съ тѣхъ поръ я смотрю на Васъ, какъ на моего избавителя въ тяжеломъ положеніи моемъ, которое и до сихъ поръ еще не кончилось. – Я, наконецъ, вышелъ въ отставку, которая, не знаю почему, тянулась полтора года. Страдая падучей болѣзнію, я проѣхалъ, съ женою и съ пасынкомъ моимъ, 4000 верстъ и поселился, покамѣстъ, въ Твери. Но положеніе мое почти не улучшилось. Позвольте, благороднѣйшій Эдуардъ Ивановичъ, объяснить мнѣ Вамъ это положеніе и примите мою новую просьбу, съ тою-же добротою, съ тѣмъ-же великодушіемъ, какъ и три года назадъ, когда Вы спасли и воскресили меня, – чего я никогда не забуду.

// л. 1

Уѣзжая изъ Сибири я надѣялся, что по пріѣздѣ въ Россію, скоро и безъ затрудненій, достигну возможности жить въ Петербургѣ. Такъ-какъ я зналъ, что для вѣзда въ Петербургъ, я долженъ буду просить позволенія, то и рѣшился, покамѣстъ, остановиться въ городѣ Твери. И вотъ я уже полтора мѣсяца здѣсь и не знаю чѣмъ и когда кончатся всѣ затрудненія. Между тѣмъ мнѣ нѣтъ никакой возможности не жить въ Петербургѣ. Я боленъ падучею болѣзнію; мнѣ нужно лечиться серьезно, радикально. Меня обнадежили, что припадки моей болѣзни, еще могутъ быть совершенно вылечены; если-же не буду лечиться, то я погибну. Я знаю, что такая болѣзнь, какъ моя, – болѣзнь трудная, не только для обыкновеннаго доктора, но даже и для доктора-спеціалиста по этой части. Доктора-же губернскіе, сколько я присмотрѣлся къ нимъ, двухъ разрядовъ: или молодые, только что выпущенные изъ университетовъ, или старики, люди достойные всякаго уваженія, но совершенно забывшіе медицину. Лечиться у нихъ, – себя портить и мучить. Мнѣ хотѣлось-бы пользоваться совѣтами ученаго медика, спеціалиста, въ Петербургѣ. – Но и кромѣ болѣзни, у меня есть

// л. 1 об.

другія причины, по которымъ мнѣ надобно непременно жить въ Петербургѣ, не менѣе важныя и, можетъ-быть, еще важнѣе. Я женатъ; у меня есть пасынокъ; я долженъ содержать жену и воспитать ея сына. Состоянія я не имѣю никакого. Я живу своимъ трудомъ и трудомъ нелегкимъ, – литературнымъ. Я чрезвычайно проигрываю, имѣя дѣло съ литературными антрепренёрами заочно. Много уже денегъ потерялъ я такимъ образомъ. У меня есть даже и теперь дѣло, объ изданіи выбора изъ моихъ сочиненій, которое никакимъ образомъ не можетъ устроиться безъ моего личнаго участія, а между тѣмъ, оно могло-бы меня обезпечить года на

два, а при успѣхѣ и гораздо болѣе, такъ что я, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, имѣлъ-бы возможность, обезпечивъ себя, писать не на заказъ, не для денегъ, не къ сроку, а совѣстливо, честно, обдуманно, не продавая пера своего за кусокъ насущнаго хлѣба. – Я уже не говорю о всѣхъ другихъ причинахъ, – на примѣръ о братьяхъ моихъ, съ которыми я былъ десять лѣтъ въ разлукѣ. Двѣ недѣли тому назадъ я былъ у здѣшняго губернатора, графа Баранова. Я изложилъ ему все мое дѣло и просилъ передать мое письмо, къ князю Долгорукому, шефу жандармовъ; въ письмѣ моемъ

// л. 2

я прошу князя исходатайствовать мнѣ у Государя позволеніе[я]/е/ поселиться въ Петербургѣ для излеченія моей болѣзни и для всѣхъ тѣхъ причинъ, о которыхъ я сей часъ упомянулъ. Уже многіе изъ сосланныхъ по нашему дѣлу, получили позволеніе на вѣздъ и на жительство въ столицахъ; и потому я могъ-бы надѣяться. Графъ Барановъ принялъ меня прекрасно и обѣщалъ все съ своей стороны; но совѣтывалъ только подождать до половины Октября, потому что князя нѣтъ въ Петербургѣ. Я знаю, что я могу надѣяться; но я знаю тоже, что, за формальностями, дѣло можетъ протянуться чрезвычайно долго. Хорошо если ограничатся справками о моемъ поведеніи въ Твери; но пожалуй пошлютъ спрашивать объ этомъ въ Сибирь. Я слышалъ тоже, что князь чрезвычайно мнителенъ въ этихъ дѣлахъ, и потому, можетъ-быть, не рѣшится скоро доложить Государю... Эдуардъ Ивановичъ! Спасите меня еще разъ! Употребите Ваше вліяніе, какъ и три года назадъ. Можетъ-быть, еслибъ Вы сказали обо мнѣ князю Долгорукому, то побудили-бы его поскорѣе кончить дѣло. На Васъ вся надежда моя. Знаю, что беспокою Васъ и можетъ-быть очень. Но простите больному, несчастному; а я до сихъ поръ несчастенъ.

Примите самое искреннее увѣреніе, въ самомъ искреннемъ уваженіи, – преданности и благодарности, которыми преисполнено къ Вамъ мое сердце

Федоръ Достоевскій

Тверь 4 Октября. 59.

// л. 2 об.